

избавишься от пут» [8, с. 236], «Нищий мнит себя шахом, напившись вина» [4, с. 94], «...И вину отдаю благородный поклон. От оков бытия я сегодня свободен И блажен, словно в высший чертог приглашен» [4, с. 145]. Находящаяся на периферии смыслового пространства и не отражаемая современными толковыми словарями взаимная соотнесенность концептов «вино», «бог», «религия» отчетливо проявляется в ассоциативном тезаурусе поэта: «Я в злобный рок не верю, коль мне Творцом дано Из рук прекрасной пери волшебное вино...» [6, с. 74], «О камень ты разбил кувшин с вином, Господь, Врата услад закрыл для уст моих господь. Ты землю окропил лозы живою кровью, Будь проклят я, но Ты, возможно, пьян, Господь?» [6, с. 60], «О вино! Заменяй мне любовь и Коран. О духан! Я – я из верных твоих прихожан» [4, с. 98], «Пред непреложной логикой вина Все семьдесят две секты – ложка одна?» [4, с. 301], «Я за один глоток вина отдаю сокровища Китая. И сто религий – за хрусталь хмельного кубка в час рассветный...» [6, с. 107].

Подведем некоторые итоги, вино в ассоциативном тезаурусе, отражающим индивидуальную картину поэтического мира О.Хайяма, предстает крайне противоречиво, оно одновременно «духовное» и «телесное». Вино оценивается как источник положительно окрашенных эмоций / состояний, и одновременно – как причина страданий, как своего рода недуг. Но верно одно, что те чувства, переживания, которые оно вызывало, и составляли смысл существования великого поэта.

Источники и литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1996. – 416 с.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / [под ред. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.]. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 245с.
3. Лирика. Из персидско-таджикской поэзии / Рудаки, Ибн Сина, Насир Хосров, Омар Хайям, Саади – М.: Художественная литература, 1987. – 462 с.
4. Омар Хайям. Рубаи / Омар Хайям. – М., 2007. – 352 с.
5. Омар Хайям. Рубаят. Трактаты / Омар Хайям. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с.
6. Омар Хайям. Сад истин. Рубаи / Омар Хайям – М.: Эксмо, 2007. – 400 с.
7. Омар Хайям: Чаша мудрости / Омар Хайям. – Симферополь: Издательство «Реноме», 2001. – 368 с.
8. Омар Хайям. Четверостишия / Омар Хайям. – Смоленск: Русич, 2006. – 512 с.
9. Степанов Ю.С. Константы Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

Ничик Н.Н.

СИСТЕМА ДОМИНАНТ В ЯЗЫКЕ ПРОПОВЕДЕЙ АРХИМАНДРИТА ИОАННА (КРЕСТЬЯНКИНА)

Одним из активных жанров конфессионального стиля является проповедь – «разумное, живое слово, приносящее свой плод в душах слушателей», по мнению архиепископа Аверкия (Таушева) [1, с. 7], исторически восходящая к древнерусскому жанру слов. Формула церковного красноречия, прежде всего проповеди, была определена ещё в раннем средневековье на латинском языке: *docere – delictare – movere* (учить, нравиться, трогать) [1, 13]. Она отмечает сущность проповеди до сих пор – поучение на духовно-нравственные темы, составленное по законам красноречия, раскрывающее Слово Божье как цель спасения человека.

Выдающимся русским проповедником XX в. был архимандрит Псково-Печерского монастыря Иоанн (Крестьянкин). Замечательным произведением его творческого наследия является «Слово о малом доброделании» [2, с. 200 - 207], в котором глубокое истолкование христианских истин сочетается с совершенством формы.

Ведущие компоненты семантики и структуры проповеди – ключевые слова – становятся доминантами текста, получая идеологическую перспективу (сакрализацию) и композиционную значимость.

1. Зачин проповеди, её основополагающий тезис, исходно динамичен: «Многие люди думают, что жить по вере и исполнять волю Божию очень трудно. На самом деле – очень легко. Стоит лишь обратить внимание на мелочи, на пустяки и стараться не согрешать в самых маленьких и легких делах» [2, с. 200]. Динамика тезиса, заложенная антиномией «трудно (жить по вере)» ↔ «легко», развернута в драматургию доказательств: «многие думают» ↔ «на самом деле», где представлены две точки зрения – общепринятая, обиходная, и предлагаемая автором и обосновываемая как истина в разрешении духовного конфликта. В основе этой антиномии – определение смысла человеческой жизни, путей Богопознания и служения Богу; содержание антиномии о.Иоанн определяет просто и точно – «жить по вере и исполнять волю Божию» [2, с. 200].

2. Ключевые слова трудно / легко приводят к смысловым центрам рассуждения – доминантам **большой** – **малый**, которые получают богословский смысл – сакрализацию – в условиях широкого контекста и развернуты в богословские дефиниции типов поведения: а) погибающего в бездействии ↔ б) спасающегося «желанием приблизиться к Богу» через поступки, через делание.

2.1. Воссоздавая общепринятую точку зрения, обиходное понимание духовного труда, о.Иоанн

вводит ключевое слово большой и его контекстуальные синонимы: «большие труды во славу Божию», «самое *крайнее* самоотвержение», «*всцелое* уничтожение личности» [2, с. 200]. Это ключевое слово поддерживает уже прозвучавшее в тезисе зачина слово трудно.

Автор находит этой точке зрения метафорическую оценку, которая становится богословской дефиницией – «гипноз больших дел», и воссоздает поэтапно психологию такого типа религиозного поведения как духовной катастрофы через развертывание синонимического ряда: «человек *пугается* [поставленных задач]», «начинает *страшиться* в чем-либо приблизиться к Богу», «*прячется* от Бога» [2, с. 201]. Такой тип поведения есть самооправдание духовного безделья – фактически духовного нигилизма. Имитация внутренней речи носителя такого типа духовного поведения показывает его изнутри и углубляет его психологический портрет: «Все равно – думает – *ничего не могу* сделать для Бога и для души своей, буду уж лучше *в сторонке* от духовного мира, *не буду думать* о вечной жизни, о Боге, а буду жить как живется» [2, с. 201].

Окончательную оценку этот тип поведения получает через библейскую аллюзию: человек, прячущийся от Бога под давлением «гипноза больших дел», уподобляется согрешившему Адаму. Аллюзия, задающая аналогию, получает у о.Иоанна логическое завершение: такой тип рассуждения как основа поведения позволяет носителю позиции духовного нигилизма вообще отказаться от любой деятельности во славу Божию и, более того, разрешают ему не замечать тех «мелочей», в которых он отступает от заповедей Господних.

Предельно, исчерпывающе развернутая богословская дефиниция сакральной доминанты **большой** получает свое логическое завершение и в то же время отрицательную характеристику как называющую неприемлемый тип поведения: «и люди не делают никакого дела для Бога и для души своей» [2, с. 201].

2.3. Именно в этой конечной точке развития исходного тезиса возникает начало нового ряда – доминанта **мелочь / мелочи**, коррелирующая с доминантой легко, которая в первом своем применении двупланова: мелочи [жизни] как «нечто суетное; то, чем отвлекаются от важного существенного» – мелочи как «*посильное, возможное для выполнения*»: «На самом деле - - жить по вере и исполнять волю Божию очень легко. Стоит лишь обратить внимание на мелочи, на пустяки и стараться не согрешать в самых *маленьких и легких* делах» [2, с. 200]. Для человека, спасающегося «желанием приблизиться к Богу» через поступки, о. Иоанн отмечает как главное именно последнее – «стараться не согрешать в самых *малых и легких* делах». Антитеза двух типов поведения завершается отрицательным параллелизмом: он является варьированным повтором уже сказанного, но содержит более высокий уровень абстрагирования, т.к. речь идет уже не о типе поведения, а о типе религиозного мышления – образа Богопознания и Боговедения: «Не *магически чудесно* входит человек к Богу, оставаясь чуждым на земле интересам Царствия Божия, не *покупает* он *ценностей* Царствия Божия какими-либо *внешними поступками* своими. Поступки нужны для доброто привития к человеку жизни *высшей*, психологии *небесной*, воли *светлой*, желания *доброто*, сердца *справедливого* и *чистото*, любви *нелицемерной*. Именно через **малые**, ежедневные поступки это все может привиться и укорениться в человеке» [2, с. 201].

Отрицательная часть параллелизма, содержащая продолжение лексической парадигмы **большой** – «*магически чудесно*», «*покупает ценности - - внешними поступками* своими», развивает тему духовного нигилизма и отсутствие духовной жизни в нем, тему спасения, понимаемого как магическое событие. Позитивная, утверждающая часть параллелизма характеризует особенности духовно-нравственного поведения, связанного с деланием добра, хотя и малого, но постоянного – «*ежедневного*», предпринимаемого во имя Господа и для спасения своей души. Доминанта **малый** раскрыта через парадигму определений, выражающих самые высокие качества добротоделания и служащих, по мнению о.Иоанна, основанием «жизни *высшей*, психологии *небесной* - -». Весь ряд этих определений построен в акафистной манере: основан на синтаксическом параллелизме метафорических конструкций модели «имя существ. + имя прилагат.», что придает тексту изысканность архаичности, праздничную этикетность и величавую торжественность.

2.4. Теперь внимание автора сосредоточено на новой доминанте – «*мелкие хорошие* поступки», хотя введена она была в тезисе зачина: «Это способ самый простой и легкий войти в духовный мир и приблизиться к Богу» [2, с. 201]. После логического обоснования ущербности духовного нигилизма новая доминанта получает раскрытие через аргументацию и апологию (утверждение похвалой, прославлением).

Аргумент через художественный образ (метафоры и сравнения), или, как говорит автор, жизненные «удивительные подобию», создает визуальную картину антитезы **большой / малый**: для цветка личности нужнее полстакана воды, а не море: «Мелкие хорошие поступки – это вода на цветок личности человека. Совсем не обязательно вылить на требующий воды цветок *море* воды. Можно вылить *полстакана*, и этого будет достаточно, чтобы уже иметь для жизни большое значение» [2, с. 201]. Добрый привой к яблоне возвращает благородное дерево с благодатными плодами: «К дикой яблоне совсем не обязательно прививать целый *ствол* яблони доброй. Достаточно взять малый *черенок* и привить его к одной из ветвей дичка» [2, с. 204]. Развитие этого аргумента происходит через компрометацию понятия **большой / много** в его сопоставлении с понятием **малый**, которое получает богословское оправдание.

Аргумент от науки с её вещественной доказательностью также используется автором как обоснование значимости малого добра: в практике медицины действуют с пользой для человека малые дозы лекарства

[2, с. 202].

Аргумент от авторитета – цитата из поучения Спасителя ученикам (Евангелие от Матфея, 10, 42) – является кульминацией духовного рассуждения о.Иоанна: «Истинно, истинно говорю вам, кто напоит одного из малых сих только чашей холодной воды во имя ученика, не потеряет награды своей». В этом слове Господнем высшее выражение важности малого добра» [2, с. 202]. Символизация реального образа «**чаша воды / стакан воды**» и возрастающая идеологизация / сакрализация понятия **малый** сопровождается очень важным уточнением: оно должно делаться ради Господа, даже если оно делается «во имя ученика»: «И на этой первой ступени, о которой Господь сказал, как о подаче стакана воды – , могут стоять многие. Лучше сказать – все» [2, с. 203]. «Малое доброе делание» как образ поведения истинно «желающего приблизиться к Господу» получает богословскую дефиницию через христологическую аллюзию.

Аргументы от реальной жизни касаются простого человеческого бытия, в котором «значительно и драгоценно» всё: «всякое слово, всякий жест, всякая слеза, всякая улыбка, всякий взгляд человека» [2, 202]. «Всякое слово» – это прежде всего, по мнению о.Иоанна, «добрая дружеская беседа, человеческое общение», в котором должен быть «добрый дух Христов»; доброе слово от доброго ума «укрепляет и утешает самого себя» [2, с. 203]. Такое добро гармонизирует личность и пространство вокруг человека. Аргументы от реальной жизни завершаются афористически – «так спасается человек: от **малого** происходит **великое**» [2, с. 204]. Тем самым выстраивается здание Божественной истины, в котором **великое / большое** антиномично связано с **малым**: «**Большое** добро есть лишь крыша, возведенных на стенах – кирпичях **малого** добра» [2, с. 204]. [2, с. 201].

Образное иносказание развернуто автором, а соотношение **большой ↔ малый** получает статус сакральных идиологем, т.к. мотивировано через отношение к **Творцу**, что полностью разрешает богословскую дилемму – **человек / Творец, малое / великое**, указав диалектическое единство этих крайних позиций: «Итак, **малое, самое легкое** добро оставил на земле **Творец** творить **человеку**, взяв на Себя все **великое**. Наше «малое» Творец творит своим великим, ибо Господь наш – Творец, из ничего создавший все, – тем более из малого может сотворить великое» [2, с. 204-205].

3. Вся система аргументов сакральной идиологемы **малый**, представленная синонимическими рядами эмоциональной лексики положительной окраски, иносказательными образами стакана воды, закваски для кваса, благородного привоя на диком дереве, корней жизни человеческой, Божественного здания, пронизана светлым и радостным настроением похвалы – апологии. Заключительная часть представляет собой прием апологии в чистом виде – именно поэтому возникает здесь ключевое слово **петь / пою**, с античных времен являющееся доминантой гимнического творчества: « – я сейчас **пою гимн** не добру, а его незначительности, его **малости**. И не только не упрекаю вас, что вы в добре заняты только мелочами – , но, наоборот, прошу вас не думать ни о каком **великом** самопожертвовании и ни в коем случае не пренебрегать в добре **мелочами**» [2, с. 206]. Отрицательная форма возвращает читателя (слушателя) к динамическому зачину проповеди. Финальный абзац усиливает гимническую тему призывом к деланию добра – через широкое применение форм повелительного наклонения, воспроизводящего здесь семантику церковнославянского желательного наклонения, и аллюзивное использование символического образа-доминанты **стакана воды**: «Дивный путь «малых дел», пою тебе гимн! Окружайте, люди, себя, опоясывайтесь малыми делами добра – цепью малых, простых, легких, ничего вам не стоящих добрых чувств, мыслей, слов и дел. Оставим большое и трудное, оно для тех, кто любит его, а для нас, ещё не полюбивших большого, Господь милостию Своей приготовил, разлил всюду, как воду и воздух, малую любовь» [2, с. 207]. По системе образов-доминант финальная часть создает образную и структурную завершенность, композиционную целостность и семантико-стилистическое единство текста.

Такое произведение, логически стройное, глубоко и всесторонне аргументированное фактами реальной жизни, Богодохновенных писаний, украшенное приемами ораторской прозы и средствами выразительности, а вместе с тем простое и сердечное, дает возможность о.Иоанну Крестьяннику запечатлеть Божественную истину в душе, в разуме и в сердце человека, вызывая его на активное, хотя и малое доброделание.

Источники и литература

1. Архиепископ Аверкий (Таушев). Руководство по гомилетике. – М: Изд-во Православного Св.–Тихоновского Богословского ин-та, 2002г. – 143 с.
2. Архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Проповеди. В 2-х т.т. – П. – М.: Св.-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. – Т. 2. – С.200-207.